

Будущее армяно-иранских отношений в новых условиях

Н. А. Дунамалян

Аннотация

В статье исследуется современное состояние и сценарии развития армяно-иранских отношений в контексте кардинальной трансформации архитектуры безопасности на Южном Кавказе. Автор обосновывает введение оригинального концепта «постиранского пространства» как новой аналитической модели, приходящей на смену концепту «постсоветского пространства» в условиях ослабления российского регионального влияния. В работе детально анализируются материальные основы двустороннего сотрудничества (энергетический своп, транзит, диверсификация санкционного давления), а также ценностно-идентичностные факторы взаимодействия. Особое внимание уделяется геополитической конкуренции вокруг региональных транспортных мегапроектов, включая коридор «Север–Юг» и инициированный США проект TRIPP (Trump Route for International Peace and Prosperity). На основе проведенного анализа автор предлагает три сценария развития двустороннего партнерства: оптимистичный (формирование комплексного стратегического партнерства), базовый (сохранение прагматического сотрудничества) и пессимистичный (усиление региональной поляризации). Делается вывод о том, что армяно-иранские отношения выходят за рамки классического двустороннего взаимодействия и становятся ключевым элементом стабильности новой системы региональной безопасности.

Ключевые слова: армяно-иранские отношения, Южный Кавказ, «постиранское пространство», региональная безопасность, политика идентичности.

The future of Armenian–Iranian relations under new conditions

N.A. Dunamalyan

Annotation

The article explores the current state and development scenarios of Armenian–Iranian relations in the context of the fundamental transformation of the security architecture in the South Caucasus. The author substantiates the introduction of the original concept of the “post-Iranian space” as a new analytical model, replacing the concept of the “post-Soviet space” amid the decline of Russian regional influence. The study provides a detailed analysis of the material foundations of bilateral cooperation (energy swap, transit, diversification of sanctions pressure), as well as the value-identity factors of interaction. Particular attention is paid to geopolitical competition surrounding regional transport megaprojects, including the “North–South” corridor and the U.S.-initiated TRIPP project (Trump Route for International Peace and Prosperity). Based on the analysis, the author proposes three scenarios for the development of bilateral partnership: optimistic (comprehensive strategic partnership), baseline (maintenance of pragmatic cooperation), and pessimistic (intensification of regional polarization). The conclusion is drawn that Armenian–Iranian relations transcend the framework of a classical bilateral track and are becoming a key element of stability in the new regional security system.

Keywords: Armenian–Iranian relations, South Caucasus, “post-Iranian space”, regional security, identity politics.

Будущее армяно-иранских отношений в новых условиях²

Введение

6 сентября 2025 г. Национальный филармонический оркестр Армении дал знаковый концерт под открытым небом на территории древнего археологического памятника Персеполис в Иране. Приуроченное к 100-летию со дня основания оркестра мероприятие собрало более 1500 зрителей, в том числе высокопоставленных официальных лиц и дипломатов. В концерте приняли участие 100 музыкантов под управлением Эдуарда Топчяна, а солистом вечера выступил тенор Липарит Аветисян. Программа этого исторического вечера включала совместное с иранскими артистами исполнение иранского патриотического гимна «Ey Iran», а также произведений выдающихся армянских композиторов. Примечательно, что концерт состоялся через несколько месяцев после завершения 12-дневной войны между Израилем и Ираном и на фоне сближения Армении с США в рамках продвижения проекта TRIPP.

Несмотря на относительно небольшой масштаб данного мероприятия, концерт можно рассматривать в контексте возрождения «цивилизационистского» принципа внешней политики Ирана³. В этом контексте Армения, отличающаяся от Ирана по многим параметрам, становится проводником символики 2500-летней иранской государственности в условиях трансформации миропорядка. С другой стороны, мы становимся свидетелями изменения геополитической роли Ирана как одного из ключевых звеньев построения многополярного миропорядка в контексте перехода от политики «сохранения баланса» к формированию «стратегического окружения». Во многих аспектах внешнее давление становится фактором внутренних преобразований как в Иране, так и в ее ближнем окружении.

Изменение стратегии Ирана на Южном Кавказе: от политики сохранения статус-кво к формированию собственного пространства безопасности

Внешняя политика Исламской Республики Иран на Южном Кавказе никогда не отличалась резкими колебаниями. На протяжении более трех десятилетий после распада Советского Союза Тегеран придерживался относительно последовательной стратегии, основанной на сочетании прагматизма, осторожного балансирования и стремления избежать прямого вовлечения в региональные конфликты. Однако изменения международной среды последних лет позволяют говорить о постепенной трансформации данной модели. Американо-израильская атака на Иран 2025 г. стала своеобразной точкой бифуркации, после которой начался пересмотр роли северного направления в системе национальной безопасности Ирана.

¹ Кандидат политических наук, доцент, автор более 30 научных работ и статей.

² Статья была подготовлена экспертом АРВАК в июне 2026 г. для иранского ресурса <https://css.iripo.ir/>.

³ Holliday S, Wastnidge E. Towards a post-imperial and Global IR?: Revisiting Khatami's Dialogue among Civilisations. Review of International Studies. 2025;51(1):159-178. doi:10.1017/S0260210523000621

После распада Советского Союза Исламская Республика Иран (ИРИ) столкнулась с принципиально новой геополитической ситуацией. Впервые за многие десятилетия северная граница Ирана оказалась окружена несколькими независимыми государствами, каждое из которых формировало собственную национальную идентичность и систему международных связей. Несмотря на открывшиеся возможности для экономического сотрудничества, Тегеран первоначально воспринимал эти изменения прежде всего через призму потенциальных угроз.

Ключевой задачей иранской политики стало предотвращение возникновения на Южном Кавказе враждебной военно-политической конфигурации. Особую обеспокоенность вызывали три обстоятельства. Во-первых, возможность длительного военного присутствия США и НАТО в непосредственной близости от северных границ Ирана. Во-вторых, развитие стратегического партнерства между Азербайджаном и Израилем, сопровождавшееся расширением военно-технического сотрудничества и разведывательного взаимодействия. В-третьих, усиление влияния Турции, рассматривавшей Южный Кавказ как естественное продолжение собственного геополитического пространства.

При этом политика Ирана носила преимущественно реактивный характер. Тегеран стремился предотвратить наиболее неблагоприятные сценарии развития событий, но редко выступал инициатором масштабных региональных проектов. Такая осторожность объяснялась несколькими факторами: ограниченностью ресурсов в условиях санкционного давления, необходимостью сосредоточения внимания на ближневосточном направлении и стремлением избежать прямой конфронтации с Россией, сохранявшей ведущие позиции на Южном Кавказе.

В этих условиях Армения приобретала для Ирана особое значение. Несмотря на различия в политических режимах и внешнеполитических ориентирах, Ереван воспринимался Тегераном как важный элемент регионального равновесия. Наличие общей границы обеспечивало Ирану альтернативный маршрут выхода к северным рынкам, а сохранение армянской государственности рассматривалось как фактор, препятствующий формированию непрерывного турецко-азербайджанского геополитического пространства вдоль северо-западного периметра Исламской Республики. Важную роль в обеспечении геополитического баланса играло также существование Республики Арцах (Нагорно-Карабахской Республики, НКР), южная граница которой (около 135-140 км) примыкала к северным рубежам Ирана. Это обстоятельство в значительной степени ограничивало возможности Азербайджана и повышало его зависимость от Ирана в вопросах сообщения с Нахиджеванской Автономной Республикой через территорию ИРИ.

Следовательно, основная логика иранской политики в этот период заключалась не в расширении собственного влияния, а в поддержании существующего баланса сил. Стратегическая цель состояла в сохранении статус-кво, минимизации внешних угроз и предотвращении появления новых источников нестабильности.

Несмотря на относительную устойчивость, стратегия сохранения статус-кво постепенно перестала соответствовать изменяющимся условиям региональной политики. Вторая Карабахская война 2020 г., изменение военно-политического баланса в пользу Азербайджана, активизация турецкого присутствия, ослабление возможностей России после начала войны в Украине, а также развитие новых транспортных инициатив существенно изменили структуру региональной безопасности. При этом позиция Ирана

по вопросам безопасности Сюникского марза Армении и урегулирования армяно-азербайджанского конфликта в 2021–2023 гг. стала единственным сохранившимся элементом регионального баланса сил, сложившегося до 2020 года.

Кроме того, после 2020 г. транспортные проекты для Ирана перестали быть исключительно экономическими инициативами и стали рассматриваться как инструмент перераспределения политического влияния. Любое изменение конфигурации транспортных маршрутов непосредственно затрагивало национальные интересы страны, поскольку влияло на безопасность северных границ и перспективы интеграции Ирана в евразийские логистические сети. Примечательно, что строительство части инфраструктуры на маршруте Астара–Решт финансировалось Азербайджаном, а иранский грузовой терминал «Астара» был передан в аренду Баку на 25 лет⁴ (до 2044 г.).

Такая ситуация обуславливала противоречивый характер региональной политики Ирана. Будучи заинтересованным в развитии экономических и торговых связей, а также в снижении воздействия санкций посредством кооперации со странами постсоветского пространства, Иран, тем не менее, не мог сохранять доминирующую позицию и оказывался в определенной зависимости от государств, предоставляющих «выход в мир». В частности, это касалось Азербайджана. Если до 2020 г. зависимость Тегерана и Баку была взаимной, то после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе она стала принимать односторонний характер при постепенном расширении возможностей азербайджанской стороны.

Дополнительным фактором стала растущая вовлеченность Израиля в региональные процессы в технологической сфере. Сотрудничество с Азербайджаном в области беспилотных технологий, разведки и оборонной промышленности постепенно превратилось в один из ключевых вызовов для иранской стратегии безопасности. Если ранее подобные процессы воспринимались как локальная проблема двусторонних отношений между Баку и Тель-Авивом, то после эскалации конфликта с Израилем в 2024 г. они стали рассматриваться как непосредственная угроза национальной безопасности ИРИ. При этом предпосылки активизации геополитического давления на Тегеран сформировались ранее – после убийства генерала К. Сулеймани в январе 2020 г., а затем усилились под воздействием последствий 44-дневной войны.

Таким образом, к середине 2020-х гг. прежняя стратегия Ирана оказалась недостаточной для реагирования на новые вызовы. Политика пассивного балансирования перестала обеспечивать необходимый уровень безопасности.

Военное противостояние между Ираном, Израилем и США в 2025–2026 гг. стало наиболее серьезным внешнеполитическим испытанием для Тегерана за последние десятилетия. Независимо от оценки военных результатов, конфликт оказал глубокое влияние на стратегическое мышление иранского руководства.

Во-первых, подтвердилось, что современные угрозы носят трансрегиональный характер. Безопасность Ирана определяется не только ситуацией в Персидском заливе и Леванте, но и развитием событий на Южном Кавказе, в Центральной Азии и вдоль северного стратегического направления.

⁴ Cech L. Azerbaijan Railways advance with Astara terminal construction in Iran. *Railmarket*, 16.04.2025, <https://railmarket.com/news/infrastructure/32197-azerbaijan-railways-advance-with-astara-terminal-construction-in-iran> (дата обращения: 14.07.2026).

Во-вторых, стало очевидно, что существующие механизмы регионального сдерживания больше не обеспечивают необходимой устойчивости. Система, основанная исключительно на балансировании внешних игроков, уступает место модели, предполагающей более активное формирование собственной среды безопасности.

В-третьих, конфликт существенно повысил значение транспортной устойчивости государства. Возможность функционирования альтернативных маршрутов торговли, энергетических поставок и логистики приобрела статус одного из ключевых факторов национальной безопасности. Именно поэтому внимание Ирана к Южному Кавказу, в частности к транспортным маршрутам через Сюник⁵, Азербайджан и Каспийское море⁶ значительно возросло.

Наконец, произошла переоценка значения союзников и партнеров. Если ранее приоритет отдавался преимущественно ситуативному взаимодействию или сотрудничеству с негосударственными образованиями на религиозной основе, то современные условия требуют формирования устойчивой сети диалога с государствами (за исключением поддержки правительства Б. Асада в Сирии), заинтересованными в сохранении стабильности вдоль всего периметра границ Ирана. В этой системе координат такие страны, как Армения, начинают рассматриваться не только как соседние государства, но и как важные элементы долгосрочной региональной стратегии.

Особое место в данной стратегии занимает Армения, а в перспективе – также Таджикистан в Центральной Азии. Значение Армении определяется не только наличием общей государственной границы, но и способностью обеспечивать альтернативные транспортные связи, ограничивать монополизацию региональных коммуникаций и поддерживать баланс сил в условиях усиливающегося соперничества между Турцией, Азербайджаном, Россией и западными государствами.

Следовательно, трансформация стратегии Ирана не означает отказа от традиционных принципов прагматизма и невмешательства. Напротив, эти принципы сохраняются, однако приобретают новое содержание. Вместо политики сохранения статус-кво Тегеран постепенно переходит к политике формирования благоприятной внешней среды, в которой безопасность самого Ирана обеспечивается посредством развития устойчивых политических, экономических и инфраструктурных связей с государствами северного направления.

Таким образом, стратегию Ирана на Южном Кавказе можно разделить на три этапа:

- **1991-2020 гг. – политика балансирования.** Главная цель – не допустить доминирования какой-либо одной силы и сохранить статус-кво.
- **2020-2025 гг. – политика сдерживания.** После 44-дневной войны Тегеран стремится ограничить последствия изменения регионального баланса, прежде всего усиление турецко-азербайджанского сотрудничества и военно-технического взаимодействия Азербайджана с Израилем.

⁵ Iranian Companies to Build Key Tunnel In Syunik. *Asbarez*, 29.06.2026, <https://asbarez.com/iranian-companies-to-build-key-tunnel-in-syunik/> (дата обращения: 14.07.2026).

⁶ Caspian Sea becomes key trade route for Iran amid Hormuz disruption - NYT. *Iran International*, 09.05.2026, <https://www.iranintl.com/en/202605097262> (дата обращения: 14.07.2026).

- **После 2025 г. – политика формирования стратегического окружения.**

Иран переходит от реагирования на внешние изменения к более активному формированию благоприятной среды безопасности вокруг своих границ.

От постсоветского к «постиранскому» пространству: цивилизационный вызов во внешней политике Ирана

Одним из наиболее заметных последствий трансформации международной системы стало постепенное изменение пространственной логики внешней политики региональных держав. Если в первые десятилетия после окончания холодной войны государства преимущественно строили свою региональную политику в рамках политико-географических конструкций, сформировавшихся после распада СССР, то в современных условиях все большее значение приобретают историко-культурные и цивилизационные основы регионального взаимодействия⁷. Данная тенденция в полной мере проявляется и во внешней политике Ирана, историко-культурное наследие которого может приобретать цивилизационное значение для стран Передней, Центральной и Южной Азии.

Ослабление традиционных механизмов регионального регулирования, снижение способности России выступать единственным арбитром безопасности на Южном Кавказе, усиление роли Турции, рост влияния Китая и развитие новых транспортных инициатив создают принципиально иную конфигурацию международных отношений⁸. В этих условиях Ирану становится недостаточно рассматривать Южный Кавказ исключительно как часть постсоветского пространства.

Само понятие «*постсоветское пространство*» долгое время выполняло скорее политическую, чем аналитическую функцию. Оно объединяло государства, возникшие после распада Советского Союза, независимо от их исторических традиций, цивилизационной принадлежности, внешнеполитических приоритетов и моделей развития. В 1990-е и 2000-е гг. подобный подход был оправдан сохранением значительной роли России, общностью хозяйственных связей, сходством политических институтов и высокой степенью взаимозависимости бывших союзных республик.

К середине 2020-х гг. многие из этих факторов существенно ослабли⁹. Государства Южного Кавказа проводят различную внешнюю политику, участвуют в различных интеграционных проектах и формируют собственные национальные проекты. Более того, регион все активнее вовлекается в процессы, выходящие далеко за пределы постсоветского пространства: ближневосточные конфликты, китайские инфраструктурные инициативы, энергетическую политику Европейского союза, турецкие интеграционные проекты и глобальное соперничество США, России и Китая. Этому процессу способствовала и политика

⁷ Poghosyan, A. (2026). Dialogue Or Destruction: A Vision For A New Civilizational Alliance with Tehran. Central Asia and The Caucasus, 27(1), 52-56. <https://doi.org/10.61841/44rif385> (дата обращения: 14.07.2026).

⁸ Mohavedian E. A comparison of Iran and Turkey's foreign policies in the South Caucasus and West Asia: an analysis from the perspective of regionalism. ARVAK – Armenian analytical center. <https://arvak.am/en/a-comparison-of-iran-and-turkeys-foreign-policies-in-the-south-caucasus-and-west-asia-an-analysis-from-the-perspective-of-regionalism/> (дата обращения: 14.07.2026).

⁹ Dunamalyan N. A. The “Final” disintegration of the Post-Soviet Space: building a new structure of regional relations. ARVAK – Armenian analytical center. <https://arvak.am/en/post-soviet-space-disintegration/> (дата обращения: 14.07.2026).

Российской Федерации, которая после 2022 г. провозгласила себя «государством-цивилизацией», тем самым избрав путь геополитического обособления от «европейской цивилизации» и отказавшись от расширения своего «цивилизационистского» влияния¹⁰. Иран, в отличие от России, обладает опытом автономного цивилизационного развития¹¹.

Для описания происходящих изменений предлагается использовать понятие **«постиранское пространство»**, под которым можно понимать геополитическое пространство, объединенное общими с Ираном историко-культурными и цивилизационными характеристиками. В отличие от классических геополитических моделей, данное пространство формируется не по принципу формальных союзнических отношений и не предполагает восстановления исторических имперских границ. Его объединяющим фактором является высокая степень взаимозависимости в вопросах безопасности, транспортной связанности, энергетики, трансграничной торговли и культурно-исторических контактов.

Следовательно, речь идет не о политическом проекте интеграции, а об аналитической модели, позволяющей объяснить изменение регионального мышления иранского руководства. Такое понимание **«стратегического окружения»** может способствовать активизации культурных обменов и привлекательности Ирана, а также его открытости внешнему миру.

К числу государств, входящих в данное пространство, в различной степени могут быть отнесены Армения, Азербайджан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Ирак, а также отдельные районы Центральной Азии, Южного Кавказа и стран Персидского залива.

При этом степень включенности различных государств в **«постиранское пространство»** неодинакова. Если Таджикистан связан с Ираном прежде всего языковой и культурной общностью, Ирак – религиозными и военно-политическими интересами, а Пакистан – проблематикой безопасности восточных границ и культурными контактами, то значение Армении определяется ее географическим положением, транзитным потенциалом, общим историческим прошлым и способностью обеспечивать устойчивость северного направления.

Следует подчеркнуть, что использование понятия **«цивилизация»** в данном исследовании не означает отказа от анализа материальных факторов международной политики. Напротив, цивилизационная составляющая рассматривается как дополнительный ресурс формирования внешнеполитической стратегии. После американо-израильской атаки особое значение приобретает вопрос внутренней консолидации общества и формирования благоприятного внешнего окружения. В этих условиях обращение к общей исторической памяти, многовековым культурным контактам и традиционным моделям взаимодействия становится важным инструментом внешней политики. Такой подход также выходит за рамки классического «экспорта» Исламской революции, перенося главный акцент на уникальность и культурное наследие Ирана.

¹⁰ Dunamalyan N. A. The Russian Federation's National Security Doctrine and its geopolitical ambitions in the Caucasus Region. ARVAK – Armenian analytical center. <https://arvak.am/en/the-russian-federations-national-security-doctrine-and-its-geopolitical-ambitions-in-the-caucasus-region/> (дата обращения: 14.07.2026).

¹¹ Parchami A. An Iranian Worldview: The Strategic Culture of the Islamic Republic // *Journal of Advanced Military Studies*. Published by Marine Corps University Press, pp. 9-23.

Для Ирана подобный подход имеет несколько преимуществ. Во-первых, он позволяет формировать долгосрочные партнерства, менее зависимые от смены политических элит. Во-вторых, цивилизационные связи создают дополнительную основу для развития гуманитарного сотрудничества, образовательных программ, научных обменов и культурной дипломатии. В-третьих, они способствуют легитимации региональной активности ИРИ без обращения к силовым или экспансионистским инструментам.

В случае Армении данный фактор приобретает особое значение. Армяно-иранские отношения имеют многовековую историю, в которой периоды сотрудничества существенно преобладали над периодами конфронтации. На протяжении столетий армянская община Ирана выступала посредником в торговых, культурных и дипломатических контактах, а отсутствие территориальных претензий друг к другу способствовало формированию высокого уровня взаимного доверия. Еще одним важным аспектом является политика идентичности Ирана, которая, в отличие от политики Турции и Азербайджана, ориентирована на формирование гражданского национализма с опорой на шиизм, а не на создание монолитного националистического проекта, стремящегося ассимилировать этнические группы или уничтожить культурные различия между ними.

Армения в новой стратегии Ирана: между геополитикой, транспортной связностью и цивилизационной близостью

Трансформация региональной стратегии Ирана неизбежно приводит к переосмыслению роли отдельных государств Южного Кавказа. Если в течение длительного времени Армения рассматривалась преимущественно как один из элементов регионального баланса, то современные изменения международной обстановки существенно расширяют спектр функций, которые она выполняет в системе внешнеполитических интересов Тегерана.

Это не означает формирования союзнических отношений в классическом понимании. Иран продолжает придерживаться принципов многовекторности и прагматизма, избегая жестких военно-политических обязательств. Вместе с тем значение Армении для обеспечения национальной безопасности ИРИ постепенно возрастает вследствие совокупности географических, транспортных, экономических и политических факторов.

География остается одним из наиболее устойчивых факторов внешней политики. Независимо от изменений политических режимов и международной конъюнктуры Армения остается единственным государством Южного Кавказа, с которым Иран имеет общую сухопутную границу, не сопряженную серьезными территориальными спорами или угрозами безопасности.

В условиях продолжающейся конфронтации Ирана с Соединенными Штатами и Израилем значение северного направления существенно возрастает. Для Тегерана Армения представляет интерес не только как непосредственный сосед, но и как потенциальный выход к грузинским портам Черного моря и далее – к европейским транспортным сетям.

Одновременно Армения становится важным элементом диверсификации внешнеэкономических связей Ирана. В условиях санкционного давления любое расширение числа устойчивых логистических маршрутов приобретает стратегическое значение. Поэтому вопросы транспортной инфраструктуры перестают быть исключительно экономическими и становятся частью политики национальной безопасности.

Институционализация армяно-иранских отношений после 2018-2020-х гг. подтверждается рядом конкретных показателей. Товарооборот между странами, оставаясь скромным по абсолютным значениям (порядка 700 млн долл. США в 2023–2024 гг., то есть около 3% внешнеторгового оборота Армении) (Рис. 1.), продолжал расти и в 2025 г., когда совокупный объем внешней торговли Армении сократился более чем на 40% на фоне резкого падения реэкспортных потоков в Россию (Рис. 2)¹².

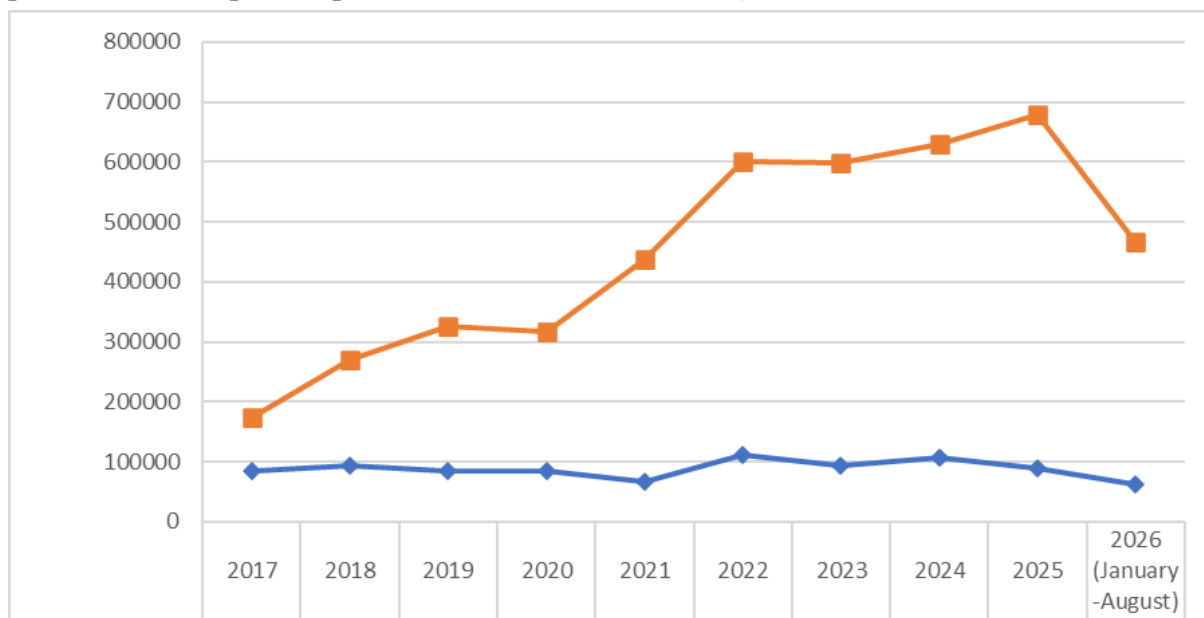

Рис. 1. Внешняя торговля Армении с Ираном (в тысячах долларов США).
Источник: armstat.am

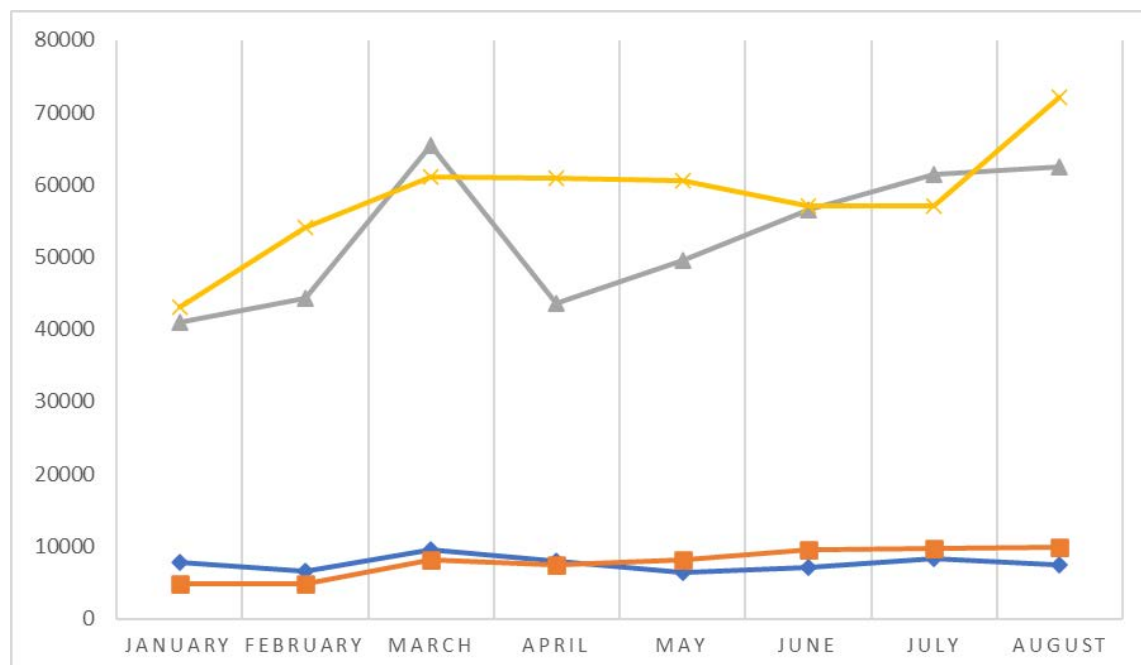

Рис. 2. Сравнение внешней торговли Армении с Ираном в январе–августе 2025 и 2026 гг. (в тысячах долларов США).

Источник: armstat.am

¹² Trade turnover between Armenia and Iran is anticipated to reach \$3 billion, according to Pashinyan. ARKA News Agency, 19.08.2025, <https://arka.am/en/news/economy/trade-turnover-between-armenia-and-iran-is-anticipated-to-reach-3-billion-according-to-pashinyan/> (дата обращения: 14.07.2026).

Действующая с 2009 г. энергетическая схема «газ в обмен на электроэнергию» была в 2022-2023 гг. расширена и продлена до 2030 г., при этом объем поставок иранского газа¹³ был удвоен. Кроме того, с октября 2022 г. в Капане действует генеральное консульство Ирана, а в 2024 г. Ереван, руководствуясь принципом взаимности, принял решение об открытии аналогичного консульства в Тебризе¹⁴.

Эти данные плохо согласуются с распространенным представлением об армяно-иранских отношениях как о преимущественно символическом, «цивилизационном» партнерстве, компенсирующем скромный экономический вес двусторонних связей. Напротив, именно узкий, но устойчивый набор материальных механизмов – энергетическая взаимозависимость, дипломатия, транспортные проекты – образует несущую конструкцию, удерживающую отношения вне зависимости от смены политической конъюнктуры в Ереване или обострения обстановки на Ближнем Востоке. Формула «газ в обмен на электроэнергию» в этом смысле выполняет не только экономическую, но и страховочную функцию: она обеспечивает Ирану гарантированный канал влияния на энергосистему южного соседа, а Армении – альтернативу монопольному российскому топливному импорту, снижая уязвимость обеих сторон к внешним шокам. Иными словами, институционализация связей опережает их количественный рост, что характерно скорее для отношений взаимной стратегической подстраховки, чем для партнерства, основанного исключительно на конъюнктурной выгоде.

Одним из ключевых факторов изменения иранской политики становится конкуренция транспортных проектов, формирующих новую экономическую географию Южного Кавказа.

В последние годы регион превратился в пространство соперничества нескольких альтернативных маршрутов, связывающих Европу, Ближний Восток, Центральную Азию и Китай. Для Ирана принципиальное значение имеет сохранение собственного участия в этих процессах, поскольку транспортные коммуникации становятся инструментом политического влияния не в меньшей степени, чем традиционные военные и дипломатические механизмы. В этой связи особый интерес представляет проект TRIPP. Независимо от окончательной конфигурации проекта его реализация способна существенно изменить баланс транспортных потоков на Южном Кавказе. С точки зрения Ирана подобные инициативы обладают двойственным потенциалом.

С одной стороны, развитие региональной инфраструктуры объективно способствует росту торговли и экономической взаимосвязанности государств региона. Расширение транспортных возможностей Армении может создать дополнительные предпосылки для увеличения объемов армяно-иранского товарооборота, развития логистических центров и реализации совместных инфраструктурных проектов.

С другой стороны, если новые транспортные маршруты будут формироваться без полноценного участия Ирана или приведут к снижению его транзитного значения, они могут восприниматься Тегераном как фактор изменения регионального баланса. В этом случае транспортная конкуренция неизбежно приобретает геополитическое измерение.

¹³ Armenia, Iran Extend Natural Gas for Electricity Swap Deal Until 2030. *MassisPost*, 10.08.2023, <https://massispost.com/2023/08/armenia-iran-extend-natural-gas-for-electricity-swap-deal-until-2030/> (дата обращения: 14.07.2026).

¹⁴ Правительство Армении приняло решение об открытии генерального консульства в Тебризе. *Арменпресс*, 25.04.2024, <https://armenpress.am/rus/news/1135652.html> (дата обращения: 14.07.2026).

Поэтому современная позиция Ирана характеризуется стремлением не блокировать инфраструктурные проекты как таковые, а обеспечить собственную вовлеченность в формирование новой транспортной архитектуры региона.

Данная логика находит подтверждение в ряде конкретных инициатив последних лет. Помимо участия иранских компаний в строительстве стратегического тоннеля в Сюникском марзе¹⁵, стороны обсуждают строительство второго моста на армяно-иранской границе и совместные дорожно-строительные проекты в приграничных районах. Эти вопросы поднимались, в частности, на переговорах премьер-министра Н. Пашиняна с вице-президентом Ирана С. Х. Пурмохаммади в июне 2026 года¹⁶.

Подобная тактика – не блокирование, а встраивание – объясняется прежде всего асимметрией ресурсов. Не располагая финансовыми возможностями, сопоставимыми с ЕС, странами Персидского залива или Китаем, Иран не может конкурировать за влияние на транспортную архитектуру Южного Кавказа напрямую и потому стремится участвовать в уже реализуемых или планируемых проектах в качестве соисполнителя, а не стороннего наблюдателя. Такое участие конвертирует ограниченные ресурсы в право голоса относительно итоговой конфигурации маршрутов, позволяя избегать прямой конфронтации с более сильными внешними игроками. В этом смысле иранская тактика принципиально отличается от турецкой и азербайджанской моделей влияния, ориентированных на изменение регионального статус-кво: Тегеран, напротив, заинтересован в его сохранении и лишь постепенной корректировке в свою пользу.

Изменение международной среды приводит к усложнению внешнеполитического положения самой Армении. В отличие от предыдущего периода, когда основным фактором внешней политики оставалось взаимодействие с Россией, современный этап характеризуется одновременным присутствием нескольких конкурирующих центров силы. Для Еревана это означает необходимость поиска нового баланса между отношениями с ЕС, США, Россией, Ираном, Индией, Турцией и другими региональными акторами.

С точки зрения ИРИ подобная многовекторность не обязательно рассматривается как угроза. Напротив, сохранение самостоятельной внешней политики Армении отвечает интересам Тегерана, поскольку препятствует окончательному доминированию какой-либо одной внешней силы на Южном Кавказе. Именно поэтому иранская дипломатия традиционно избегает попыток политического давления на РА и предпочитает строить отношения на основе прагматического сотрудничества в конкретных сферах – энергетике, транспорте, торговле, гуманитарных контактах и обеспечении региональной стабильности.

Наиболее отчетливо пределы армяно-иранского сближения проявляются в реакции Ирана на дискуссию вокруг так называемого «*Зангезурского коридора*» и его последующей трансформации в проект TRIPP. Начиная с 2024 г. иранские официальные лица, включая главу МИД А. Арагчи и посла Ирана в Армении М. Собхани, систематически заявляли, что любое изменение границ соседних государств

¹⁵ Iranian Companies to Build Key Tunnel In Syunik. *Asbarez*, 29.06.2026, <https://asbarez.com/iranian-companies-to-build-key-tunnel-in-syunik/> (дата обращения: 14.07.2026).

¹⁶ Пашинян принял вице-президента Ирана: в центре переговоров – второй мост, энергетика и дороги. *ARKA News Agency*, 26.06.2026, <https://arka.am/news/economy/pashinyan-prinyal-vitse-prezidenta-irana-v-tsentre-peregovorov-vtoroy-most-energetika-i-dorogi/> (дата обращения: 14.07.2026).

является «красной линией» иранской внешней политики¹⁷. После подписания Вашингтонской декларации в августе 2025 г. Тегеран первоначально отреагировал резкой критикой, однако впоследствии смягчил риторику после того, как армянская сторона предоставила заверения об отсутствии американского военного присутствия и о сохранении полного суверенитета РА над маршрутом¹⁸. Подобная траектория – от резкого неприятия к условному принятию при сохранении декларативной жесткости – характерна для иранской внешнеполитической риторики в целом и указывает на определенный разрыв между публичными заявлениями и практической линией поведения.

Политические изменения в Армении и иранский фактор

Отдельного внимания заслуживает влияние внутривнутриполитических процессов в Армении на развитие двусторонних отношений. После политических изменений последних лет внешняя политика Еревана стала значительно более гибкой и ориентированной на расширение круга международных партнеров.

Несмотря на различия в оценке отдельных внешнеполитических решений армянского руководства, Иран в целом демонстрирует готовность к взаимодействию с любым легитимным правительством Армении. Для Тегерана гораздо важнее сохранение предсказуемости внешнеполитического курса Еревана, чем идеологическая ориентация конкретной политической элиты.

Вместе с тем усиление сотрудничества Армении с западными государствами объективно требует от Ирана более активной дипломатической работы. Основной задачей становится предотвращение возникновения ситуации, при которой территория Армении могла бы использоваться для реализации проектов, воспринимаемых Тегераном как угроза его национальной безопасности.

Однако имеющийся опыт армяно-иранских отношений свидетельствует о том, что даже в условиях существенных изменений внешнеполитического курса Армении обе стороны стремятся сохранять высокий уровень политического диалога. Это объясняется совпадением фундаментальных интересов в вопросах региональной стабильности, сохранения открытой государственной границы и развития взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Показательна в этом отношении динамика политического диалога после 2022 г.: помимо визитов Н. Пашиняна в Тегеран (ноябрь 2022 г., август 2023 г., июль 2024 г.), состоялась его встреча с президентом ИРИ М. Пезешкианом на полях саммита БРИКС в Казани в октябре 2024 года¹⁹, а в августе 2025 г. состоялся первый официальный визит М. Пезешкиана в Ереван. По его итогам стороны подписали 10 меморандумов о взаимопонимании и заявили о намерении вывести отношения на уровень «стратегического партнерства» – формулировка, ранее не применявшаяся к армяно-иранским связям²⁰.

¹⁷ Borderlines: Iran's red line. *Tehran Times*, 06.09.2024, <https://www.tehrantimes.com/news/503324/Borderlines-Iran-s-red-line> (дата обращения: 14.07.2026).

¹⁸ Pashinyan meets with Iranian President Pezeshkian in Yerevan. *OC Media*, 19.08.2025, <https://oc-media.org/pashinyan-meets-with-iranian-president-pezeshkian-in-yerevan/> (дата обращения: 14.07.2026).

¹⁹ В Казани состоялась встреча Никола Пашиняна и Масуда Пезешкиана. *Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения*, 24.10.2024, <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2024/10/24/Nikol-Pashinyan-President-of-Iran/> (дата обращения: 14.07.2026).

²⁰ В Ереване прошла пресс-конференция Масуда Пезешкиана и Никола Пашиняна. *Эхо Кавказа*, 19.08.2025, <https://www.ekhokavkaza.com/a/prezident-irana-v-armenii-peredacha-regionaljnyh-problem->

Подобная интенсификация диалога представляется результатом наложения нескольких кризисов, последовательно менявших расчеты Тегерана. 44-дневная война 2020 г., периодическая эскалация ситуации на армяно-азербайджанской границе и в Нагорном Карабахе, а также последовавший в 2023 г. исход армянского населения из Арцаха и досрочное завершение миссии российских миротворцев фактически сняли с повестки давно вызывавший обеспокоенность Ирана сценарий появления военной инфраструктуры НАТО или международных миротворческих сил у границ ИРИ. Вместе с тем предсказуемость ситуации на территории, перешедшей под контроль Баку, с точки зрения иранских интересов снизилась, в том числе из-за закрытия сухопутной границы и опасений относительно скрытого присутствия иных акторов вблизи иранской границы (например, Израиля). Надежда иранского руководства на «разрешение» карабахского конфликта с точки зрения «восстановления» территориальной целостности Азербайджана и уважения прав армянского населения Нагорного Карабаха столкнулась со стремлением Баку очистить регион от армян при поддержке Турции и Израиля с целью установления полного контроля. Как следствие, после 2023 г. вблизи северной границы Ирана присутствовали российские войска, представители турецких ВС, мониторинговая миссия ЕС и израильские военные формирования²¹. В 2025 г. к этому добавился инфраструктурный проект, курируемый США.

Израильско-иранская война 2025 г., в свою очередь, продемонстрировала Тегерану цену уязвимости по всему периметру страны и заставила рассматривать северное направление не как второстепенное, а как одно из немногих, где сохраняется пространство для проактивного, а не оборонительного выстраивания отношений. В результате Армения переместилась из категории объектов иранской политики сдерживания в категорию партнеров, с которыми выстраивается позитивная повестка, – хотя, как показано ниже, данная эволюция остается ограниченной ресурсными и геополитическими рамками, в которых действуют обе страны.

Ограничения армяно-иранского партнерства

Несмотря на объективное сближение интересов, перспективы армяно-иранских отношений не следует переоценивать. Существуют факторы, ограничивающие возможности для формирования более тесного сотрудничества.

Во-первых, обе страны находятся под воздействием сложной внешнеполитической среды и вынуждены учитывать интересы других международных игроков. РА продолжает развивать отношения с ЕС, США, Турцией и Индией, тогда как ИРИ сохраняет стратегическое взаимодействие с РФ и КНР, а также пытается сохранять добрососедские отношения с той же Турцией и Пакистаном.

Во-вторых, санкционный режим существенно ограничивает масштабы экономического сотрудничества. Даже при наличии политической воли реализация крупных инфраструктурных проектов требует значительных финансовых ресурсов и механизмов, позволяющих минимизировать последствия международных ограничений.

В-третьих, сохраняется высокая неопределенность общей архитектуры безопасности Южного Кавказа. Нерешенность ряда региональных вопросов, продолжающаяся

drugim-derzhavam-oslozhnyaet-situatsiyu-/33507425.html (дата обращения: 14.07.2026).

²¹ Exclusive: Israel sent troops to Azerbaijan during Iran war as part of secret network across region, sources say. *CNN World*, 05.06.2026, <https://edition.cnn.com/2026/06/05/middleeast/azerbaijan-israel-iran-war-intl> (дата обращения: 14.07.2026).

конкуренция внерегиональных держав и быстрые изменения международной обстановки затрудняют долгосрочное стратегическое планирование.

К тому же оба государства претерпевают болезненную трансформацию прежней модели взаимодействия с внешним миром и собственным обществом. Политическое руководство Армении пытается нормализовать отношения с Турцией и Азербайджаном на фоне «*конструктивной трансформации*» союзнических отношений с Россией. Вместе с тем, если судить по предвыборной программе партии «Гражданский договор»²² во главе с премьер-министром РА Н. Пашиняном и программе правительства, Иран все еще остается одним из приоритетных партнеров РА. Примечательно, что в предвыборной программе также формат «3+3» как основа мира в регионе, однако в разделе о странах, с которыми был установлен формат стратегического партнерства или диалога, Иран уже не указан.

В случае ИРИ поиски достижения «*исламской солидарности*»²³ столкнулись с неприятием данной повестки со стороны других государств с мусульманским населением и даже обернулись осуждением Ирана за его «*агрессию*» против арабских монархий залива²⁴, поддерживающих США и Израиль. Фактически Иран стал жертвой постправды, сохраняя приверженность более консервативным подходам к отношениям с исламским миром. Та же тенденция проявилась в отказе иранского руководства признавать Геноцид армян 1915 г. в Османской империи. Такой подход может быть обусловлен стремлением сохранить нормальные отношения с Турцией и не допустить волнений среди тюркского населения северо-западного Ирана. Однако данный выбор иранского руководства не смягчает позицию Турции и Азербайджана в отношении пантюркистских проектов в регионе Южного Кавказа и Центральной Азии. Напротив, уже долгие годы в азербайджанских учебниках присутствует раздел о «*Южном Азербайджане*» (т. е. о Северном Иране)²⁵, а официальная политика памяти выстраивает нарратив о единстве «*древних азербайджанских территорий*». Кроме того, армянское руководство также отказалось от прежней приоритетности признания Геноцида армян в рамках внешней политики РА, что свидетельствует об укреплении позиций Турции и Азербайджана в данном вопросе, а также об использовании данной повестки третьими странами (например, Израилем).

Таким образом, на фоне разрушения прежней картины региональных отношений Иран и Армения способны повысить устойчивость к дальнейшим изменениям международной конъюнктуры. Армяно-иранские отношения постепенно перестают быть исключительно двусторонним направлением внешней политики и становятся одним из элементов более широкой стратегии формирования устойчивого северного

²² The Civil Contract Party has published its election program for the Armenian parliamentary elections. ARKA News Agency, 03.04.2026, <https://arka.am/en/news/politics/the-civil-contract-party-has-published-its-election-program-for-the-armenian-parliamentary-elections/> (дата обращения: 14.07.2026).

²³ President Pezeshkian urges Islamic unity, proposes powerful Muslim bloc. Official Website of the President of the Islamic Republic of Iran, 23.06.2026, <https://president.ir/en/164760> (дата обращения: 14.07.2026).

²⁴ OIC Strongly Condemns Iran's Targeting of Saudi Arabia, UAE, Bahrain, Qatar, Kuwait, and Jordan. Saudi Press Agency, 28.02.2026, <https://www.spa.gov.sa/en/N2524968>; MWL Condemns Iran's Repeated Attacks on Countries in Region. Qatar News Agency, 15.07.2026, <https://qna.org.qa/en/news/news-details?id=mwl-condemns-irans-repeated-attacks-on-countries-in-region&date=15/07/2026> (дата обращения: 14.07.2026).

²⁵ Abbasov I., Rumyantsev S., 'Ways to perpetuate the past: Analyzing the images of "others" in Azerbaijani history textbooks', in Lubos Veselý (ed), Contemporary History Textbooks in the South Caucasus (Association for International Affairs, 2012), pp. 33-56.

пространства безопасности ИРИ, а также единственным стабильным элементом прежней системы региональной безопасности для Армении.

Перспективы армяно-иранских отношений в условиях трансформации регионального порядка

Будущее армяно-иранских отношений будет определяться не только динамикой двустороннего сотрудничества, но и трансформацией всей системы региональной безопасности. Формирование нового баланса сил на Южном Кавказе, дальнейшая эволюция политики Ирана после конфронтации с США и Израилем, изменение роли России, активизация Турции, расширение участия Индии и Китая в региональных проектах, а также внешнеполитический курс Армении будут выступать основными факторами, определяющими развитие двусторонних отношений.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть три возможных сценария развития армяно-иранского сотрудничества:

• Позитивный сценарий: формирование комплексного стратегического партнерства

Наиболее благоприятный сценарий предполагает постепенную институционализацию армяно-иранских отношений и переход от преимущественно прагматического взаимодействия к комплексному стратегическому партнерству. Такой сценарий возможен при условии относительной стабилизации региональной обстановки, сохранения многовекторной внешней политики Армении и продолжения курса Ирана на укрепление северного направления своей внешней политики.

В этих условиях Армения может превратиться в одного из ключевых партнеров Ирана на Южном Кавказе, выполняя функции важного транспортно-логистического узла, соединяющего Иран с Черноморским регионом и европейскими рынками. Одновременно возрастет значение энергетического сотрудничества, совместных инфраструктурных проектов, приграничной торговли и промышленной кооперации.

Особое место может занять развитие транспортных коммуникаций в рамках международного коридора «Север–Юг», а также сопряжение региональных транспортных инициатив с интересами обеих стран. При этом принципиально важным условием станет участие Ирана в новых логистических проектах, что позволит избежать формирования транспортной архитектуры, исключаяющей его из региональных процессов.

Позитивный сценарий предполагает также расширение гуманитарного сотрудничества. Научные обмены, совместные университетские программы, культурная дипломатия и развитие контактов между экспертными сообществами способны создать дополнительную основу для долгосрочной устойчивости двусторонних отношений.

В рамках данного сценария Армения будет восприниматься Ираном не только как соседнее государство, но и как один из ключевых элементов северного стратегического пространства, обеспечивающего устойчивость внешнеполитического положения ИРИ.

• Инерционный (умеренный) сценарий: сохранение прагматического сотрудничества

Наиболее вероятным представляется инерционный сценарий, основанный на сохранении существующих тенденций развития двусторонних отношений.

В данном случае обе страны продолжают придерживаться прагматичной модели взаимодействия, не стремясь к формированию военно-политического союза или глубоких интеграционных механизмов. Основными направлениями сотрудничества останутся энергетика, транспорт, приграничная торговля, обеспечение стабильности государственной границы и развитие отдельных инфраструктурных проектов.

Армения будет продолжать политику диверсификации внешних связей, одновременно развивая отношения с ЕС, США, Индией, РФ и ИРИ. Тегеран, со своей стороны, сохранит заинтересованность в стабильных отношениях с Ереваном, однако будет вынужден учитывать влияние санкционного режима, ограниченность финансовых ресурсов и сохраняющуюся напряженность в отношениях с западными государствами.

Экономическое сотрудничество в рамках данного сценария будет постепенно расширяться, однако его масштабы останутся значительно ниже потенциально возможного уровня. Большинство крупных инфраструктурных проектов будет реализовываться медленно, а развитие новых инициатив будет зависеть от общей международной конъюнктуры.

Несмотря на существующие ограничения, данный сценарий предполагает сохранение высокой степени политического доверия между сторонами. Географическая взаимозависимость, отсутствие серьезных двусторонних противоречий и совпадение интересов в вопросах региональной стабильности будут способствовать поддержанию устойчивого политического диалога.

- **Негативный сценарий: усиление региональной поляризации**

Наименее благоприятный сценарий связан с дальнейшим обострением международной обстановки и усилением геополитической конкуренции на Южном Кавказе.

Его предпосылками могут стать новая эскалация конфликта между Ираном и Израилем, ужесточение санкционного режима, усиление военно-политического соперничества между ведущими внешними игроками, дальнейшая милитаризация региона либо формирование транспортных маршрутов, существенно ограничивающих участие Ирана в региональной экономике.

В подобных условиях Армения окажется перед необходимостью выбора между различными центрами силы, что объективно осложнит проведение многовекторной внешней политики. Одновременно может усилиться политизация инфраструктурных проектов, а транспортные коммуникации окончательно превратятся в инструмент геополитического соперничества.

Для Ирана подобное развитие событий будет означать необходимость концентрации ресурсов на обеспечении собственной безопасности и сокращение возможностей для реализации долгосрочных экономических проектов на Южном Кавказе. В результате темпы развития двустороннего сотрудничества могут существенно снизиться.

Однако даже в рамках негативного сценария вероятность серьезного политического кризиса в армяно-иранских отношениях остается сравнительно невысокой. В отличие от многих других государств региона, Армения и Иран не имеют фундаментальных территориальных противоречий, а многолетний опыт взаимодействия свидетельствует о высокой способности сторон поддерживать политический диалог даже в условиях существенных изменений международной обстановки.

Заклучение

Сопоставление рассмотренных сценариев позволяет сделать вывод, что наиболее вероятным является сохранение инерционной модели развития отношений с постепенным расширением сотрудничества в транспортной, энергетической и экономической сферах. Вместе с тем формирование нового регионального порядка создает предпосылки для постепенного перехода к более глубокому стратегическому партнерству, если Армения сумеет сохранить сбалансированную многовекторную внешнюю политику, а Иран продолжит рассматривать Южный Кавказ как одно из приоритетных направлений своей региональной стратегии.

В более широком контексте дальнейшее развитие армяно-иранских отношений будет зависеть от способности обеих стран адаптироваться к формирующейся многополярной международной системе. Если в предыдущие десятилетия главным фактором устойчивости отношений выступала общность отдельных геополитических интересов, то в новых условиях все большее значение будут приобретать транспортная взаимосвязанность, экономическая взаимозависимость, гуманитарное сотрудничество и формирование устойчивых механизмов политического диалога. Именно сочетание этих факторов способно превратить армяно-иранские отношения в один из наиболее стабильных элементов новой архитектуры безопасности Южного Кавказа.

Источники и литература

1. Abbasov I., Romyantsev S., 'Ways to perpetuate the past: Analyzing the images of "others" in Azerbaijani history textbooks', in Lubos Veselý (ed), Contemporary History Textbooks in the South Caucasus (Association for International Affairs, 2012), pp. 33–56
2. Armenia, Iran Extend Natural Gas for Electricity Swap Deal Until 2030. *MassisPost*, 10.08.2023, <https://massispost.com/2023/08/armenia-iran-extend-natural-gas-for-electricity-swap-deal-until-2030/>
3. Borderlines: Iran's red line. *Tehran Times*, 06.09.2024, <https://www.tehrantimes.com/news/503324/Borderlines-Iran-s-red-line>
4. Caspian Sea becomes key trade route for Iran amid Hormuz disruption – NYT. *Iran International*, 09.05.2026, <https://www.iranintl.com/en/202605097262>
5. Cech L. Azerbaijan Railways advance with Astara terminal construction in Iran. *Railmarket*, 16.04.2025, <https://railmarket.com/news/infrastructure/32197-azerbaijan-railways-advance-with-astara-terminal-construction-in-iran>
6. Dunamalyan N. A. The "Final" disintegration of the Post-Soviet Space: building a new structure of regional relations. *ARVAK – Armenian analytical center*. <https://arvak.am/en/post-soviet-space-disintegration/>
7. Dunamalyan N. A. The Russian Federation's National Security Doctrine and its geopolitical ambitions in the Caucasus Region. *ARVAK – Armenian analytical center*.

- <https://arvak.am/en/the-russian-federations-national-security-doctrine-and-its-geopolitical-ambitions-in-the-caucasus-region/>
8. Exclusive: Israel sent troops to Azerbaijan during Iran war as part of secret network across region, sources say.
CNN World, 05.06.2026,
<https://edition.cnn.com/2026/06/05/middleeast/azerbaijan-israel-iran-war-intl>
 9. Holliday S, Wastnidge E. Towards a post-imperial and Global IR?: Revisiting Khatami's Dialogue among Civilisations. *Review of International Studies*. 2025;51(1):159-178.
doi:10.1017/S0260210523000621
 10. Iranian Companies to Build Key Tunnel In Syunik.
Asbarez, 29.06.2026,
<https://asbarez.com/iranian-companies-to-build-key-tunnel-in-syunik/>
 11. Mohavedian E. A comparison of Iran and Turkey's foreign policies in the South Caucasus and West Asia: an analysis from the perspective of regionalism.
ARVAK – Armenian analytical center.
<https://arvak.am/en/a-comparison-of-iran-and-turkeys-foreign-policies-in-the-south-caucasus-and-west-asia-an-analysis-from-the-perspective-of-regionalism/>
 12. OIC Strongly Condemns Iran's Targeting of Saudi Arabia, UAE, Bahrain, Qatar, Kuwait, and Jordan.
Saudi Press Agency, 28.02.2026,
<https://www.spa.gov.sa/en/N252496>
 13. MWL Condemns Iran's Repeated Attacks on Countries in Region.
Qatar News Agency, 15.07.2026,
<https://qna.org.qa/en/news/news-details?id=mwl-condemns-irans-repeated-attacks-on-countries-in-region&date=15/07/2026>
 14. Parchami A. An Iranian Worldview: The Strategic Culture of the Islamic Republic // *Journal of Advanced Military Studies*. Published by Marine Corps University Press, pp. 9-23
 15. Pashinyan meets with Iranian President Pezeshkian in Yerevan.
OC Media, 19.08.2025,
<https://oc-media.org/pashinyan-meets-with-iranian-president-pezeshkian-in-yerevan/>
 16. Poghosyan, A. (2026). Dialogue Or Destruction: A Vision For A New Civilizational Alliance with Tehran. *Central Asia and The Caucasus*, 27(1), 52-56. <https://doi.org/10.61841/44rjf385>
 17. President Pezeshkian urges Islamic unity, proposes powerful Muslim bloc
Official Website of the President of the Islamic Republic of Iran, 23.06.2026,
<https://president.ir/en/164760>
 18. Trade turnover between Armenia and Iran is anticipated to reach \$3 billion, according to Pashinyan.
ARKA News Agency, 19.08.2025,
<https://arka.am/en/news/economy/trade-turnover-between-armenia-and-iran-is-anticipated-to-reach-3-billion-according-to-pashinyan/>
 19. В Ереване прошла пресс-конференция Масуда Пезешкиана и Никола Пашиняна.
Эхо Кавказа, 19.08.2025,
<https://www.ekhokavkaza.com/a/prezident-irana-v-armenii-peredacha-regionalnyh-problem-drugim-derzhavam-oslozhnyaet-situatsiyu-/33507425.html>

20. В Казани состоялась встреча Никола Пашиняна и Масуда Пезешкиана.
Официальный сайт Премьер-министра Республики Армения, 24.10.2024,
<https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2024/10/24/Nikol-Pashinyan-President-of-Iran/>
21. Пашинян принял вице-президента Ирана: в центре переговоров – второй мост, энергетика и дороги.
ARKA News Agency, 26.06.2026,
<https://arka.am/news/economy/pashinyan-prinyal-vitse-prezidenta-irana-v-tsentre-peregovorov-vtoroy-most-energetika-i-dorogi/>
22. Правительство Армении приняло решение об открытии генерального консульства в Тебризе.
Арменпресс, 25.04.2024,
<https://armenpress.am/rus/news/1135652.html>